

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Мокрица

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619355*

Аннотация

«Когда я дочитал до конца свою новую повесть – все присутствующие сказали:

– Очень хорошо! Прекрасное произведение!

Я скромно поклонился. Сзади кто-то тронул меня за плечо:

– Послушайте... извините меня за беспокойство...
послушайте...

Я обернулся. ...

– Что вам угодно?

– А то мне угодно, милостивый государь мой, что повесть ваша совершенно неправильная! Уж я-то знаток этих вещей... ...

– Вы... что же, критик?

– Бухгалтер. ...»

Содержание

I	4
II	8
III	11

Аркадий Аверченко

Мокрица

I

Когда я дочитал до конца свою новую повесть – все присутствующие сказали:

– Очень хорошо! Прекрасное произведение!

Я скромно поклонился. Сзади кто-то тронул меня за плечо:

– Послушайте... извините меня за беспокойство... послушайте...

Я обернулся. Передо мной стоял маленький человек средних лет, ординарной наружности. Глаза скрывались громадными синими очками, усы уныло опускались книзу, борода была плохая, наполовину как будто осыпавшаяся.

– Что вам угодно?

– А то мне угодно, милостивый государь мой, что повесть ваша совершенно неправильная! Уж я-то знаток этих вещей...

Он самодовольно засмеялся.

– Вы... что же, критик?

– Бухгалтер.

– А... так... – нерешительно протянул я. – Но вообще-то

вы знаток литературы?

– Бухгалтерии! – упрямо сказал он, глядя на меня громадными стеклами. – Уж в бухгалтерии-то, батенька, меня не поймаешь!

Он поежился и кокетливо захохотал с таким видом, будто я собирался его ловить.

– Вам не нравится моя повесть?

– Нет, ничего. Повесть как повесть. Только неправильная. Заинтригованный, я отвел его в угол, сунул ему в руку рукопись и сказал:

– Укажите мне неправильные места.

Такое доверие польстило ему. Он вспыхнул до корней волос, застенчиво перелистал рукопись и, найдя какое-то место, отчеркнул его ногтем.

– Вот! Это неправильно: «Корчагин не показывал виду, что знает о проделках жены, но втайне все ее вольности, все измены и оскорбления записывал ей в кредит. Дебет же ее, в который он решил записывать ее ласки и поцелуи, – был пуст». Вот!

– Вам не нравится это место?

– Присядем, – сказал маленький бухгалтер.

Мы сели.

– Видите ли... Я взял на себя смелость сделать вам замечание потому, что вы впали в громадную ошибку... Вы знакомы с двойной итальянской бухгалтерией?

– Н-нет...

– Двойная итальянская бухгалтерия изобретена несколько сот лет тому назад монахом Лукой Пачиоло. Принцип ее заключается в двойной записи каждого счета, чем достигается механическое контролирование правильности записи. Если баланс счетов не сходится в цифрах – это показатель неправильности в частных записях. Записи в счетовых книгах отмечаются на двух сторонах развернутой книги: на левой и правой. На левой стороне счета или лица записывается так называемый дебет – это счет или лицо должны владельцу книги; на правой стороне записывается так называемый кредит – это владелец книги состоит в долгу у лица или счета. Поняли?

– Да... пожалуй...

– Теперь ясно, что вы совершили колоссальную, непростительную ошибку: Корчагин должен был измены и оскорбления жены записать ей не в кредит, а в дебет! А ласки ее – наоборот – не в дебет, а в кредит! У вас это перепутано.

Я горячо пожал бухгалтеру руку:

– Я вам очень, очень признателен. Я сейчас же исправлю эту досадную погрешность.

Моя горячая благодарность смутила его. Он махнул рукой и сказал:

– Помилуйте! Я всегда рад... Конечно, нужно хорошо знать бухгалтерию... Дебет – это что нам должны, кредит – то, что должны мы счету.

Я еще раз пожал ему руку и отошел.

Он озабоченно крикнул мне вслед:

– Так не забудьте же: дебет – нам должны, кредит – мы должны.

– Не забуду, не забуду,

II

Мы сидели в укромном уголку обширного кабинета и тихо разговаривали.

Ольга Васильевна положила свою руку на мою и ласково, задушевно сказала:

– Эта повесть – ваша лучшая вещь. Громадная изобразительная сила, яркие краски причудливо смешиваются на этих страницах с волшебными лирическими полутонами, мощный голос зрелого мужа сплетается с полудетским лепетом влюбленного юноши...

– А, вы здесь, – сказал бухгалтер, подходя к нам. – Ну, что... исправили?

– Исправил, – сказал я. – Спасибо.

– Что такое? – удивилась Ольга Васильевна.

Бухгалтер усмехнулся, снисходительно подергав плечом.

– Ах, уж эти писатели... Представьте, какую он штуку написал... Ну, хорошо, что я был тут, указал, исправили... А то что бы вышло? Неприятность! Скандал! Можете себе вообразить: он дебет написал там, где нужен кредит, а кредит – где дебет!

Укоризненно покачав головой, он прошел дальше, но потом круто повернулся и крикнул нам:

– А разница называется – сальдо!

– Что-о?

– Я хочу вас предупредить – если будете писать еще что-нибудь: предположим, что в дебете 100 рублей, а в кредите полтора ста; разница – 50 рублей – и называется: сальдо! Сальдо в пользу кредитора.

– Ага... хорошо, хорошо, – сказал я, – запомню.

Бухгалтер снисходительно улыбнулся и добавил:

– А измены и оскорбления ваш Корчагин в кредит ее счета не мог записывать... Он записал их в дебет.

Он кивнул головой и исчез; вслед за ним ушла и Ольга Васильевна. Оставшись один, я побрел в гостиную.

В одном углу происходил оживленный разговор. До меня донеслись слова:

– Как услышал я – так будто бы меня палкой по голове треснули. Как-с, как-с, думаю? Она же его оскорбляла, она же ему изменяла, да он же ей это и в кредит пишет? Хорошая бухгалтерия... нечего сказать! Хорошо еще, что спохватились вовремя... исправили...

Один из гостей, заметив меня, подошел и сказал:

– Вы неисправимый пессимист. В вашей повести вы показываете такие бездны отчаяния и безысходности...

– Это что! – раздался сзади нас вкрадчивый голос. – Он еще лучше сделал: его Корчагин дурные стороны жены заносил в кредит ей, а хорошие в дебет. Помилуйте-с! Да я бухгалтерию как свои пять пальцев знаю. Как же... Вот если бы здесь была книга – я бы вам наглядно показал... Вот, предположим, этот альбом открыток: тут, где Кавальери, – это

дебет... А тут... вот эта... Типы белорусов – это кредит. Я-то уж, слава тебе господи, знаю это как свои пять пальцев.

– Да, да, – нетерпеливо сказал я. – Хорошо. Ведь я уже исправил.

– Хорошо, что исправили, – добродушно согласился он. – А то бы... Ведь таких вещей никак нельзя допустить!.. Помилуйте... Дебет и кредит – это небо и земля.

– Пожалуйста ужинать, – сказал хозяин.

III

Все усаживались, шумно двигая стульями. Бухгалтер сел против меня... Посмотрел на меня, как заговорщик, сделал правой рукой предостерегающий знак и засмеялся.

– Да-с! – сказал он. – Бухгалтерия – это штука тонкая. Ее нужно знать. Я вам когда-нибудь дам почитать книжку «Популярный курс счетоводства». Там много чего есть.

Я сделал вид, что не слышу.

Сосед с левой стороны спросил меня:

– Если я не ошибаюсь, в основу вашей повести заложена большая отвлеченная мысль, но она затемнена повествовательной формой, которая...

– Была затемнена, – согласился бухгалтер. – Но теперь все исправлено. Все, как говорится, в порядке. Вы... вот что... Если еще что-нибудь будете писать и вам встретятся на пути какие-нибудь такие бухгалтерские штуки и экивоки – вы пожалуйста ко мне... без церемоний! Обсудим – как и что. Я выложу вам, как на ладони!

– Нет, зачем же, – сухо возразил я. – В этом, вероятно, не представится надобности. Ведь беллетристика и бухгалтерия – это две совершенно разные вещи.

Огорченный бухгалтер притих. Съел какую-то рыбку, подумал немного, потом приподнялся и, ударив меня через стол по плечу жестом старого знакомого, спросил:

– А вы знаете, что такое транспорт?

– Знаю.

– Нет, не знаете! Вы думаете, это просто собрание разных подвод для перевозки кладей? Да? Но в бухгалтерии это совсем другое: транспортом называется обыкновенный перенос итога с одной страницы на другую. Внизу подписывается итог страницы и переносится на следующую.

– Почему вы думаете, – спросил я левого соседа, – что повествовательная форма произведения должна затемнить общую отвлеченную мысль?

– Потому что художественные детали разбивают это впечатление.

– Это верно, – согласился бухгалтер, делая мне ободряющий жест. – Разбивает впечатление. Ведь это, если сказать какому-нибудь бухгалтеру, – он помрет со смеху. А? Хе-хе... Дебет поставить в кредит! А? Что такое, думаю? Это же невозможно!

Не дождавшись сладкого, я извинился и встал:

– Я пойду на минуту к письменному столу. Хочу не забыть исправить два-три места в повести.

Я сел и исправил.

Когда сзади раздался голос: «Ну что, исправили? Теперь уж не спутаете дебет с кредитом?» – я нахмурился и сказал:

– Да-с, я исправил. Вот, слушайте: «Корчагин не показывал виду, что дебет жены записан ему в сальдо. Он перенес

большой кредит в транспорт, который вместе с сальдо давал перенос дебета на счет того лица, которому пришла идиотская затея заняться бухгалтерией; это заносим ему в кредит».

С жалобным криком, простирая дрожащие руки, бросился он ко мне, но я с отвращением отшвырнул его и, сунув рукопись в карман, ушел.